



## ЧАСТЬ 1

Кто помнит имя? Нет, не я —  
Отметин черных на судьбе не стало.  
Другая будет пить теперь отраву,  
Плести венок из мертвых роз  
И складывать тоску в туман,  
Где не сбылось, и где обман  
Растет и набирает силу,  
Где нет ответа на «помилуй»,  
Где каждый день зовет меня.

### *Петербург. Далекое прошлое...*

Холод всегда присутствовал в ее жизни. Он имел разный цвет, запах, вкус и даже разные лица. Он то проникал в дыры износившихся ботинок, то пробирался под тонкую изношенную кофту, то сжимал тощую шею, то смеялся в лицо, демонстрируя кривые желтые зубы. Соня привыкла к нему. Ее ничуть не беспокоили постоянно шмыгающий нос и дрожащие руки с красной потрескавшейся кожей и ломкими ногтями.

«Чем хуже ты выглядишь, тем лучше, — любил говорить Прохор, едко усмехаясь и шурясь. — Толстосумы охотнее расстаются со своими деньжатами, когда видят перед собой костлявого и жалкого сопляка или соплячку. Так что радуйся, что осталась без каши».

Мать бросила Соню три месяца назад на вокзале. Колючий ветер дул в спину, и волосы все время закрывали лицо, фразы улетали, и никак не получалось их ухватить. «Ты мне надоела... надо было сразу отдать тебя в какой-нибудь

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

приют... и не нужно на меня так смотреть, я еще молода, а ты вечно путаешься под ногами... чтоб я тебя больше не видела, сама разберешься...» Соня хорошо запомнила нетвердую, пьяную походку матери и резкий прощальный взмах рукой, будто кто-то дернул ее за локоть. Потом пришел поезд, встречающие и провожающие засуетились на перроне, и первый, пока еще осторожный, укол страха заставил вздрогнуть: «Что будет со мной?..»

Много лет Соня скиталась с матерью от деревни к деревне, от постоянного двора к постоянному двору, но потом они добрались до Петербурга, и в душе вспыхнуло: «Вот она — сказка!» Большой, величественный город с торопливыми экипажами и неспешными прохожими, с высоченными домами и пестрыми лавками, с ароматами сдобы, витающими возле булочных, и веселыми торговцами на рынках. Но оказалось, что жидкий кисловатый суп, купленный за гроши в мрачном трактире неподалеку от кирпичных бань, имеет точно такой же вкус, как и похлебка, отданная из милости в небольшой деревеньке на перекрестке дальних дорог. И холод здесь был все тот же, его мало интересовало, кто перед ним: сытый, хорошо одетый граф или жалкая девочка в тонкой изношенной кофте.

Соня никогда не видела своего отца, и, если верить матери, имя его даже не было известно. Какие уж тут бабушки, дедушки и прочие близкие и дальние родственники... Пожалуй, сиротство тоже имеет вкус — продолжительно горький, без каких-либо смягчающих оттенков.

Но, если у тебя есть мать, ты же не сирота?

## Дом певчих птиц

Соня не смогла бы уверенно ответить на этот вопрос, особенно покидая вокзал в звенящем одиночестве. Дрожащий страх уже поднимался от щиколоток к коленям, заставлял оглядываться, спотыкаться и нервно облизывать резко пересохшие губы. И, как назло, небо Петербурга темнело, обещая скорый дождь и серое безотрадное будущее, наполненное лишениями и скитаниями.

Где они ночевали в последний раз? Как найти дорогу в тот пропахший рыбой и луком мрачный дом с узкими грязными комнатками? И стоит ли искать, разве там предложат еду и бесплатный ночлег?..

Соне и раньше приходилось выпрашивать милостыню, но теперь, похоже, ее место было именно на паперти. Стоять, опустив голову, и просить немного легче, чем бегать по рынку, приставать к прохожим и настойчиво клянчить: «Дайте монетку, дяденька... Пожалуйста, дайте монетку, тетенька...»

— Почему она оставила меня? Разве я так сильно мешала? — тихо произнесла Соня, вытирая рукавом первую слезу, всхлипывая. Но она все же не зарыдала, отчего-то никогда не получалось плакать долго и судорожно, наверное, в душе давным-давно замерз обжигающий нерв, отвечающий за продолжительную жалость к себе. А такой безутешный плач, возможно, дал бы облегчение на некоторое время.

В тринадцать лет тощая миниатюрная Соня выглядела на десять, и, наверное, это было хорошо: маленьким детям охотнее подают милостыню. А чего еще желать, когда голод сжимает желудок и мешает спать?

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

Соня знала, что похожа на лягушонка, так, во всяком случае, часто говорила мать. Большие глаза, большой рот, узкие плечи, руки и ноги — веточки... Иначе и не назовешь. «Единственное, чем тебя одарил Господь, — это волосы, — усмехалась мать и почти сразу отворачивалась, мгновенно теряя интерес к дочери. — У твоей бабушки были такие же». Но Соня не считала, что ей повезло с волосами: густые, вьющиеся, цвета мокрой глины, они постоянно путались и впитывали устойчивые запахи еды на постоянных дворах и в трактирах. Иногда они так пахли, что их хотелось немедленно отстричь.

На глаза Прохору Соня попалась довольно быстро, дней через пять.

— Ты пойдешь со мной, — грубо сказал он, схватил ее за руку и потащил за собой.

— Но... — выдохнула в ответ Соня и замолчала, потому что слова застряли в горле, а душу охватил нестерпимый ужас. Кто этот человек? И что он с ней сделает? Высокий небритый мужчина с маленькими бегающими глазками, цепким взглядом, редкими длинными волосами, в помятом сальном пальто никак не мог вызвать даже каплю доверия.

— Я — Прохор, и я теперь твой хозяин. Ясно? — произнес он, перешагивая большую лужу. Соне пришлось подскочить и быстрее перебирать ногами, иначе ее рука попросту бы оторвалась. — И не смей перечить моей матери, она этого терпеть не может. Ты же не хочешь, чтобы однажды я пересчитал твои паршивые ребра?

Соня не хотела и поэтому отчаянно замотала головой, отчего чуть не потеряла равновесие и не упала. Похоже,

## Дом певчих птиц

судьба уготовила еще одно испытание, и лучше помолиться заранее, вдруг потом уже не будет такой возможности...

Проход жил в старом трехэтажном доме, где сдавались дешевые комнаты, а на первом этаже за длинными узкими столами можно было выпить и закусить. Двери жалобно скрипели, в оконные щели пробирались сквозняки, ступеньки издавали стоны, крыша привычно впитывала дождевые капли, плесень и сырость ползли по стенам бесформенными пятнами, меняя цвет с серого на коричнево-зеленый. Но постояльцев и случайных гостей это ничуть не беспокоило, их вполне устраивали цена за ночлег и предложенные щи с водкой и хлебом.

— Еще одну приташил? Да сколько можно собирать отребье по подворотням! — сверкнула глазами мать Прохора, когда увидела Соню. Поджав тонкие губы, фыркнув, она принялась гневно тереть один из столов тряпкой, отчего длинные сальные волосы стали раскачиваться и подпрыгивать. — Я устала кормить твоих попрошаек, выгоню всех к чертовой матери!

Как оказалось, на Прохора работали еще пятнадцать детей. Целый день они бегали по улицам и кланчили деньги, а на обед и вечером возвращались и отдавали все до копейки хозяину, получая несколько кусков хлеба, кашу или суп. И горе тому, кто принес слишком мало, кулак у Прохора был тяжелый и бил точно в цель.

Маленькие побирušки жили на чердачном этаже и пользовались дополнительной лестницей, ведущей на задний двор. Им запрещалось приближаться к постояльцам, и каждый знал, что лучше не попадаться на глаза Евдокии

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

Семеновне — матери Прохора. «Вместо того чтобы помогать мне, ты с утра до ночи пьешь! — гневно кричала она на сына, уперев руки в бока. — Хорошо устроился! Почему я должна терпеть твоих грязных поганцев?! Сначала ты говорил, что их будет пять, потом семь, потом десять... А теперь их больше, чем мух на навозной куче!» В ответ Прохор или от-малчивался, или коротко огрызнулся, но его слабость перед матерью чувствовалась, и было ясно, кто в конце концов уступит или сдастся.

Первое время Соня скучала по прошлой жизни, однако потом борьба за выживание вытеснила из памяти многочисленные дороги, и фраза «Ты мне надоела... надо было сразу отдать тебя в какой-нибудь приют...» перестала звенеть в ушах. Будто Соня родилась и выросла на этом чердаке, будто так было всегда.

Попрошайки Прохора редко общались между собой, лишь холодная ночь заставляла их придвигаться друг к другу поближе в надежде согреться и наконец-то уснуть. Но драки происходили часто, и Соня не всегда понимала, отчего они случаются, вроде минуту назад и не было никакой ругани... Это уже позже она догадалась, что слова здесь вспыхивают спичкой, и порой достаточно лишь одной фразы, чтобы началась возня с глухими ударами, гневным сопением и вскриками. Маленькие попрошайки не прощали обид, и мальчишки, и девчонки умели сжимать кулаки и бесстрашно бросаться в бой на защиту своей тощей, потрепанной чести. И шуметь при этом было нельзя, иначе Прохор, получив очередную порцию недовольства от матери, мог хорошенько наказать.

## Дом певчих птиц

Самым резким, сильным и отчаянным был рыжий Лешка Соловей. Он выделялся не только цветом волос, но и ростом, умом, а еще цепким недобрый взглядом и особой насмешливо-едкой улыбкой. Даже худоба Лешки казалась устрашающей, и все обитатели чердака старались держаться от него подальше (никто не хотел заполучить фингал под глаз или лишиться зуба). Если у Соловья было хорошее настроение, то по ночам он с тягучим удовольствием рассказывал страшные истории из уютной жизни, и каждый слушатель думал: «Какое счастье, что я попал к Прохору, а не в сиротский дом».

Однажды и Соне досталось от Лешки. Хитрый и ловкий Петька выгреб из ее тарелки всю гушу, оставив только бульон с тремя кругляшами морковки.

— Ты все равно много не ешь, — хохотнул он облизываясь. — Да и суп не очень вкусный... Тебе вполне и водицы хватит.

Но в этот момент Соня смотрела не на веселого и довольного жизнью Петьку, а на Соловья, грозно вырастающего за его спиной. Интуиция подсказала, что через несколько секунд обидчик будет скулить от боли и просить о пощаде. И почему-то чувство вины за это сильно сжало сердце, а затем застучало молоточками в висках быстро-быстро.

Игнорируя страх, Соня замотала головой, качнулась и тихо забормотала: «Не надо, не надо...» А как только Петька обернулся, побледнел и, мгновенно оценив опасность, отскочил в сторону, она инстинктивно устремилась к Лешке и крепко вцепилась в его руку.



## ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Не бей его! — крикнула она, не узнавая собственный голос. — Слышишь?! Не бей!

Попрошайки перестали стучать ложками о тарелки и замерли, гадая, чем закончится обед.

— Его? Не буду. Теперь не буду, — тихо произнес в ответ Лешка и многозначительно усмехнулся. — Но, мне кажется, я должен объяснить тебе, что никогда не стоит заступаться за того, кто лишил тебя последнего куска хлеба.

Соня уже была знакома с определенными уличными законами и именно поэтому бросилась спасать Петьку. Да, виноват. И суп жалко. Но до вечера можно потерпеть, голод привычен, ничего страшного.

Разжав пальцы, не опуская рук, Соня сделала испуганный шаг назад. Однако смысла в нем не было, через секунду резкий удар в плечо отправил ее маленькое, худенькое тельце к стене. Из груди вырвался судорожный вздох, ноги мгновенно ослабли, и острые лопатки встретились с полом. Соня сделала попытку повернуться на бок и сжаться в комочек, но над ней навис Лешка, и защититься хоть как-нибудь не получилось. Он поднял кулак, готовясь ударить, и замер, встретив взгляд больших, переполненных испугом серо-голубых глаз.

## Глава 1

Чемодан я всегда собираю долго и мучительно, он маленький, а сокровищ у меня слишком много. Вот и приходится метаться между бесконечно важным и невероятно

## Дом певчих птиц

нужным. Я бы, конечно, предпочла объемную спортивную сумку, но бабушка считает, что именно с чемоданом нужно приезжать к отцу. Тогда в его душе будет гораздо больше ответственности, а позже, при расставании, он непременно погрузится в печаль.

«Потому что когда у ребенка впереди дальняя дорога, то нормальному человеку его жалко. Но это нормальному, — часто подчеркивает бабушка. — Тебе уже четырнадцать лет, и можно не сомневаться, отец посадит тебя в автобус, махнет рукой и забудет через пять минут, что у него есть дочь. А чемодан старый, колесики гремят хорошо, до самой совести пробирают...»

Честно говоря, дальняя дорога — это громко сказано.

В магическую силу колесиков я не верила, но ничего не оставалось, как только сократить количество наваленных на кровати вещей в три раза. Что же взять?..

Меня уж точно нельзя назвать модницей. Я всегда предпочитала джинсы, свитера и кроссовки, но в квартире отца никогда не получалось чувствовать себя комфортно, и мне не хотелось бы затевать там стирку, если вдруг на единственную футболку случайно прольется сок или чай. А с учетом моей нервной криворукости это вполне могло случиться. И как не нервничать, если Маргарита всегда смотрит на меня так, будто перед ней чудо-юдо заморское. Не опасное, но, возможно, несущее на своей шершавой полупрозрачной чешуе бактерии неизлечимых болезней.

«И не смей называть ее мачехой, она не заслуживает даже этого», — обычно напутствует бабушка, однако мне

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

бы и в голову не пришло. Да и наше общение с женой отца обычно сводится к паре дежурных фраз.

Еще мне очень важно взять книги, я бы хотела прочитать «Таинственный остров», и на каникулы, как назло, задали изучить начало правления Петра I, Северную войну, реформы XVIII века и развитие промышленности... Я люблю историю, но куда интереснее самой отыскивать истину в многотомниках, чем зубрить короткие абзацы учебника. Нет, я не слишком умная и учусь в основном на четверки, но в библиотеке никогда не чувствуется одиночество. Там даже маленькая лестница для верхних полок не скрипит, а разговаривает. Во всяком случае, мне так кажется.

— Я позвонила твоему отцу, он наконец-то определился со временем. — Бабушка зашла в комнату и, глядя на мою кровать, многозначительно покачала головой. Но картина бардака выглядела уже намного лучше, я все же смогла выбрать самое нужное и даже сложила футболки стопкой. — Выезжаешь в три, собирайся быстрее. И чтобы пообедала хорошо, а не как обычно. Учти, борщ будет на столе через десять минут.

Бабушка на всякий случай сдвинула брови, но меня так просто не обмануть, она волновалась перед расставанием и скучала на неделю вперед. Подбородок подрагивал, морщины на лбу стали заметнее, глаза поблескивали от подступивших слез, и в них безошибочно читалось: «Если бы твоя мама была жива... Помоги ж тебе Господь».

Сделав шаг вперед, я остановилась и сдержала душевный порыв — подойти и обнять. Бабушка тогда уж точно

## Дом певчих птиц

расплатится, а лучше, если мой отъезд получится простым и бодрым.

Нет, я не устремлялась в другую страну или в другой город, меня не ждали беспокойные моря, огнедышащие горы, безводные пустыни или бескрайние полынные степи, мне всего-то нужно было проехать на метро минут сорок, пройти пешком до нужного дома, подняться на седьмой этаж и нажать кнопку звонка: «Здравствуй, папа...» Вот только с бабушкой мы расставались очень редко, и в такие минуты как раз казалось, что впереди и горы, и пустыни, и степи...

— Я провожу тебя до «Октябрьской», а до «Профсоюзной» доедешь сама. Не забудь пижаму, которую я тебе сшила, и теплые носки.

— Уже положила. — Кивнув, я показала на пока еще полупустой чемодан.

Самый большой страх бабушки заключается в том, что она может умереть неожиданно от какого-нибудь сердечного приступа, и тогда я непременно попаду в детский дом, где буду голодна и несчастна. Именно поэтому раз в год я отправляюсь к своему отцу. Он не должен от меня отвыкать, бабушка попросту не позволяет ему этого сделать.

Обычно для нашего общения отец выбирает весенние каникулы, потому что летом — сезон отпусков и поездок в теплые края, осенью нужно хорошенько отдохнуть от лета, а зимой у папы сплошной Новый год. Не до меня.

«Поверь, это лучше, чем ничего, — обычно объясняет бабушка. — Если вы разучитесь разговаривать друг с другом,

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

то... Твой отец непременно откажется от тебя, как только я отправлюсь в рай».

При подобных разговорах бабушка всегда упоминает рай. Наверное, это слово должно меня успокаивать и настраивать на волну умиротворения. Но, потеряв маму семь лет назад, я пришла к выводу, что в теме смерти нет утешения.

В три часа мы вышли из дома. Колесики чемодана действительно гремели безжалостно, и до автобусной остановки удовлетворение не сходило с лица бабушки. Представляя, как она сейчас мысленно разговаривает с моим отцом, я с трудом сдерживала улыбку. Лекции на воспитательные темы обычно границ не знают, и можно посочувствовать тому, кто попался в бабушкины сети.

Раньше я часто задавалась вопросом, как мама могла выйти замуж за такого человека, но однажды поняла: ей стало жаль его. И, честно говоря, ко мне тоже иногда приходит это липучее чувство, оно застревает где-то под ребрами и дергается, точно маленькая рыбешка. Наверное, странно жалеть высокого, крепкого, вполне здорового мужчину, но, как говорит бабушка, женщины в нашем роду всегда были понимающими и добрыми.

Я старалась, правда старалась полюбить отца, но трудно испытывать привязанность к тому, кого видишь один раз в год.

- Веди себя прилично.
- Ладно.
- Ешь все, что дают.
- Хорошо.
- Доберешься, позвони.

## Дом певчих птиц

— Обязательно.

Я знала, что бабушке потребовалось много душевных сил, чтобы посадить меня в поезд на «Октябрьской», развернуться и уйти. Безусловно, она бы хотела проводить любимую внучку до дома, а еще лучше — до квартиры. Но четырнадцатилетнего подростка необходимо постепенно приучать к самостоятельности. Я в книжке про это читала. И там еще было сказано: «...предоставляйте свободу порциями и наблюдайте за реакцией и поведением ребенка». Мои одноклассницы уже давно разъезжали по Москве, и, честно говоря, мне тоже хотелось.

Выбрав место в углу вагона, я села, пристроила к стенке чемодан, бросила короткий взгляд на закрывающиеся двери и нервно улыбнулась. Сейчас я чувствовала себя не только взрослой, но и особенной. Ощущения, которые трудно объяснить словами. Думаю, такое же разноцветное волнение бывает у птиц, когда они совершают свой первый полет. И будто я сейчас вовсе не в метро, а мчусь на поезде дальнего следования в другую страну, где живут увлекательные приключения и магические тайны. Есть же на свете такие места, и однажды одна из дорог наверняка приведет меня в необыкновенные края.

Но пока я направлялась к отцу.

К сожалению, до «Профсоюзной» очень мало станций, и они кажутся короткими (не успеешь толком ни помечтать, ни подумать). Я всегда знала, что, если бы не настойчивость бабушки, папа давно бы перестал со мной общаться. Но как раз об этом лучше долго не размышлять, а то еще мозги опухнут...

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

Около подъезда я отправила бабушке эсэмэску: «Все в порядке, я добралась» — и потянула чемодан к ступенькам. Самое сложное — произнести первые слова. «Здравствуй...» А дальше что? В общении с отцом никогда не получается выглядеть легкой и беззаботной, а хотелось бы. Так же намного легче.

Весна попросила не торопиться, и я притормозила, глубоко втягивая в легкие свежий ароматный воздух. Что меня ждет? Короткие вежливые разговоры, брокколи и шпинат, диван в гостиной, безрадостные прогулки по магазинам, прерывистый шепот отца и Маргариты. Не знаю, почему они всегда шепчутся... Будто их разговоры — это великие секреты. Вовсе нет. Я как-то подслушала, так там ничего не значащая ерунда. Наверное, я автоматически попадаю под сигнал: «Внимание. В доме чужой!», и папа с Маргаритой переходят на военное положение.

— Здравствуй.

— Привет.

— Ты выросла.

— Ага.

Отправив куртку на вешалку, я вспомнила, что папа просил привезти тапочки, и быстро достала их из чемодана.

— Проходи в гостиную, сейчас будем пить чай с пирожными. Я не мог вспомнить, какие ты любишь, шоколадные или ванильные, поэтому купил и те и другие.

— Большое спасибо.

Папа пошел в кухню, а я какое-то время смотрела ему вслед. Он тоже за этот год изменился: немного пополнил и стал еще более солидным. Даже если бы я не знала, что

## Дом певчих птиц

Андрей Андреевич Овсянников работает директором производства на мебельной фабрике, я бы непременно угадала в нем начальника.

— Добрый день.

Вздрогнув от неожиданности, оборвав ход мыслей, я повернула голову и увидела Маргариту. Она всегда интересно и стильно одевалась, и сейчас белые джинсы и длинная бордовая рубашка подчеркивали ее красоту и молодость. Три года назад, при первом знакомстве, я внимательно сравнивала нас и пришла к выводу, что нет ничего, в чем бы мы были схожи. У Маргариты красивая фигура, а я — кожа да кости, у нее прямые черные волосы, а мои... Пожалуй, цвета мокрой глины. У нее большие кукольные глаза, а у меня миндалевидные. Конечно, сравнивать ребенка и двадцатипятилетнюю ухоженную с головы до ног девушку — глупо, но и сейчас картина точно такая же. Нужно признать, я по-прежнему являюсь весьма тощим экземпляром вселенной.

— Добрый день, — ответила я и убрала прядь волос за ухо.

По лицу Маргариты нельзя было понять, насколько сильно ее огорчил мой приезд, отнеслась ли она к этому как к рядовому кошмару или речь идет о глобальной катастрофе. Хотя для меня всегда было большим вопросом, испытывает ли Маргарита такие же чувства, как я и другие люди на планете Земля? Пока не приходилось видеть ее рассерженной или, наоборот, веселой. Но самое удивительное, что жена папы — практикующий детский психолог, и при этом она никогда не улыбается. Хотя, возможно, Маргарита — специалист по тяжелым случаям.



## ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Дина, мой руки и иди к столу! Марго, ты чай будешь?! — донесся с кухни голос отца.

— Сделай зеленый, я присоединюсь к вам минут через пять, — ответила она, развернулась и скрылась за дверью спальни.

Я не знала, как поступить с чемоданом. При встрече отец обычно говорил: «Мы освободили полку в шкафу, переложил свои вещи». Но сейчас слова не прозвучали, и отчего-то сердце кольнула тревога.

«Колесики грязные, чемодан точно нельзя тащить в комнату», — пронеслась разумная мысль.

От волнения разыгрался аппетит, пирожные оказались вкусные, и я с удовольствием съела три штуки. Маргарита молча пила чай (насколько я знала, она придерживалась правильного питания и сладкое вообще не ела), папа пил крепкий кофе, к бисквиту на блюде он так и не притронулся.

— Какие у тебя оценки? Троек нет?

— Пока нет.

— Думаешь, скоро будут?

— Английский мне дается с трудом...

Папа остановил на мне осуждающий взгляд и покачал головой. Только сейчас я заметила, что его виски начали сесть, а брови стали значительно тяжелее.

Тройка по английскому мне вовсе не светила, я даже не знала, почему соврала. Быть может, мне хотелось услышать слова поддержки или помочь отцу с продолжением разговора...

— В нашем роду не было троечников, надеюсь, ты меня не разочаруешь, — выделяя слова, произнес папа и доба-

## Дом певчих птиц

вил: — Жизнь — штука сложная, и, как известно, выживает сильнейший.

После чаепития я достала из чемодана книгу и устроилась в гостиной на диване. В квартире стояла тишина, и вероятность того, что обо мне вспомнят до ужина, настойчиво стремилась к нулю.

«Самые худшие каникулы в году, — тяжело вздохнув, подумала я, переворачивая страницу. — Скорей бы пролетела эта неделя».

Раньше я пыталась ругать себя за подобные настроения, но теперь вообще не было стыдно. В доме отца и Маргариты мне всегда было холодно, я даже спала в носках, натянув одеяло до подбородка. И этот холод не имел ничего общего с температурой воздуха.

Отец зашел в гостиную через полчаса, и по его сжатым губам я сразу поняла, что предстоит непростой разговор. «Наверное, опять всплывет тема оценок... Нужно было сказать, что дневник буквально сияет от пятерок и учителя не перестают меня хвалить».

Усевшись ровнее, я сделала вид, будто не чувствую напряжения, но позвонки заныли, а интуиция прошептала: «Готовься...»

— Читаешь? Молодец! — произнес папа с незнакомой и потому неожиданной легкостью. Подхватив стул, он поставил его рядом с диваном, сел и положил ногу на ногу. — Хочу с тобой поговорить, но сначала пообещай, что ничего не расскажешь бабушке. Мария Петровна может разволноваться, а мы же с тобой не хотим, чтобы ее мучило повышенное давление. Правда? Ты уже взрослая

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

и сама вправе принимать многие решения. — Подавшись вперед, папа приподнял брови, точно желал поторопить меня, и уточнил: — Обещаешь?

Наверное, используя наигранный дружеский тон, он пытался меня приободрить, но перемена была настолько удивительно-странной, что я, наоборот, испугалась. А ответ я могла дать лишь один, особенно если учесть, что любопытство потихоньку начинало ерзать в душе.

— Да.

— Отлично! — Откинувшись на спинку стула, папа неторопливо провел ладонью по волосам и продолжил уже другим тоном, спокойным и деловым: — Видишь ли, Дина... — Он немного помолчал, будто подбирал слова. — Маргарита готовит большой и важный проект, и это, бесспорно, огромная ответственность и не менее огромный труд. Речь идет об участии в международном форуме, думаю, ты представляешь масштабы подобного мероприятия. И сейчас Маргарите нельзя отвлекаться или тратить время на что-либо другое... К тому же, когда внимание сконцентрировано, любой шум становится досадным раздражителем и расшатывает нервную систему. Естественно, это происходит само собой, и виноватых нет ни с той, ни с другой стороны. Мы с тобой должны понять, в какой ситуации находится Маргарита, и даже как близкие люди обязаны ее поддержать. Но что возможно сделать, как поступить правильно? — наклонив голову набок, папа вопросительно посмотрел на меня и сразу сам дал ответ: — Мы можем создать Маргарите комфортные условия для работы.

## Дом певчих птиц

— Да, конечно, — на всякий случай произнесла я, гадая, в какую сторону потянется разговор дальше. Если нужно, я могу точить карандаши, отвечать на телефонные звонки, печатать большие и маленькие тексты, но очень трудно представить, что хоть какое-то мое участие потребуется Маргарите. А вести себя тихо — без проблем, да меня особо никогда и не слышно.

— И так случилось, что у тебя есть прекрасная возможность помочь сразу двум людям. Дело в том, что у Ларисы Григорьевны, моего заместителя, есть сын. Вчера он уехал по своим археологическим делам... Далеко. Не помню точно куда... — Отец нахмурился, а затем шумно выдохнул и нервно махнул рукой. — Не важно. В его квартире есть цветы, их нужно поливать. И еще осталась канарейка... или кенар... Короче, птицу нужно кормить. Я предлагаю тебе пожить у сына Ларисы Григорьевны. Уж она тебе будет очень благодарна! Ездить через всю Москву и ухаживать за канарейкой ей весьма затруднительно. И, если ты согласишься, Маргарита сможет готовить проект в абсолютной тишине, ничто не мешает ей сосредоточиться. На мой взгляд, это отличное предложение, ты наверняка давно мечтаешь о самостоятельности. Каникулы же созданы именно для того, чтобы отдыхать. Вот и отдохнешь от школы и взрослых. — Папа улыбнулся, будто на меня действительно свалилась удача, и спросил: — Так что мне ответить Ларисе Григорьевне? Ты согласна?

Хотела бы я видеть свое лицо в этот момент. Наверное, оно вытянулось и стало походить на дыню, глаза округлились, а кожа от душевного потрясения покраснела

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

пятнами. Папа отправлял меня жить в чужую квартиру. Одну... И я догадывалась, в чем тут дело. Он редко со мной общался и, похоже, пропустил тот момент, когда я выросла и перестала быть ребенком, которого легко обмануть. Теперь я умная. Ну почти.

Голодная канарейка.

Вообще-то, Лариса Григорьевна могла бы забрать ее к себе домой, чтобы не тратить время на дорогу. Или, в крайнем случае, я бы могла съездить к ее сыну и покормить птицу. А потом бы вернулась.

Сердце уколола боль обиды: папа, скорее всего, заранее взял ключи, а в соседней комнате Маргарита с нетерпением ждала, когда же я уберусь из квартиры. Поэтому мне и не предложили разобрать чемодан.

— Да, согласна, — ответила я и добавила тише: — Канарейки, наверное, много едят, и их нужно часто кормить.

\* \* \*

### *Петербург. Далекое прошлое...*

Соня понимала, что лучше бы зажмуриться и именно так, в темноте, принять боль. Но ледяной взгляд Лешки, кривая едкая усмешка на его тонких губах парализовали, и закрыть глаза не получилось.

Она много раз видела, как Соловей, не слишком раздумывая, размахиваясь и молниеносно бил в ухо, плечо, живот или в грудь... И вот теперь пришел ее черед узнать силу удара. Лешка худой, как и все попрошайки, но такое

## Дом певчих птиц

чувство, будто внутри у него не вены, а прочные веревки, а мышцы — из камня и металла.

«Бей! Скорее бей! Я не могу больше ждать!» — отчаянно пронеслось в голове, и Соня сжала губы, стараясь сдержать рвущийся на свободу страх.

На чердаке стояла звенящая тишина, и, наверное, именно поэтому голос Прохора прозвучал оглушающе:

— Какого дьявола?! Что встали и рты раззявили?!

Соня не сразу поняла, что ее, лежащую на полу, с лестницы не видно. Да и маленькие попрошайки давно повскакивали со своих мест и встали полукругом, чтобы лучше видеть Соловья и его очередную жертву.

— Поднимайся, — тихо приказал Лешка и, схватив Соню за локоть, быстро и ловко поставил ее на ноги. — И даже не думай ябедничать.

Предупреждение было лишним, никто в здравом уме не посмел бы пожаловаться на Соловья. И кому жаловаться? Здесь нет того, кто выслушает, рассудит по справедливости и защитит.

Поймав очередную усмешку Лешки, Соня облизала пересохшие губы, сделала несколько шагов к столу и наконец увидела Прохора. Обычно в это время он уже тянулся к бутылке, его походка становилась нетвердой, длинный нос, покрытый пигментными пятнами, краснел, глаза бегали, речь наполнялась бранными словами. Но сейчас Прохор казался трезвым, и отчего-то это вызвало волнение в груди. Вытянув шею, Соня увидела и Евдокию Семеновну, шествующую за сыном с недовольным выражением лица.

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Насобирали всякий мусор по улицам, — проворчала она, проходя мимо попрошаек. — Ни одной нормальной рожи. Куда уж им петь!

Но Прохор даже не повернулся к матери. Остановившись посреди комнатенки, уперев руки в бока, немного помолчав, он неожиданно гаркнул: «Построились!» — и, прочистив коротким кашлем горло, плюнул на пол.

Дети пришли в движение, засуетились, и Соня сама не поняла, как опять оказалась рядом с Лешкой.

— Чего это они вдвоем приперлись, — процедил сквозь зубы Соловей и сморщился, демонстрируя неприязнь. — Лучше б еще пожрать принесли.

«Наверное, выгнать кого-то хотят», — не решаясь ответить вслух, подумала Соня и уловила дрожь в коленях. Да, жили они здесь плохо, но неизвестность, ветер, голод и холод — намного хуже, и очень важно знать, что вечером у тебя обязательно будет крыша над головой.

— А если выгонят? — все же произнесла Соня.

— Ну и пусть.

В отличие от других, Лешка действительно не боялся перемен. Неделию назад он довольно уверенно говорил, что хочет уйти от Прохора. В свои шестнадцать лет он уже успел потрудиться в разных местах, но Соня все же сомневалась, что у Соловья получится устроиться быстро. Несмотря на внутреннюю физическую силу, Лешка тоже выглядел младше своих лет. А на работу всегда можно взять мальчишку почище, покрепче и из нормальной семьи.

— Посмотри на них, — фыркнула Евдокия Семеновна. — Отребье... Жалкое отребье!

## Дом певчих птиц

Прохор частенько выстраивал их в линию, так ему было легче греметь угрозами и проверять карманы у маленьких попрошайек (вдруг кто запрятал копейку), но сейчас в его глазах не плескалась злость, в них было что-то другое...

— А ну пой, — приказал он, схватив Петьку за локоть.

— Что? — не понял тот и на всякий случай вжал голову в плечи.

— Пой говорю!

— И не тяп-ляп, а старайся, — скрестив руки на груди, потребовала Евдокия Семеновна. Ее почти бесцветные брови встретились на переносице, нос заострился и не-терпеливо задергался.

«Мать Прохора похожа на ведьму, — подумала Соня и, глядя на несчастного Петьку, принялась нервно кусать нижнюю губу. — Неужели мне тоже придется петь?..»

Происходящее казалось более чем странным. Нестройный ряд побирушек дрогнул, раздалось шмыганье носом, кто-то начал икать, белобрысый Родька сделал жалкую попытку запеть, хотя никто его об этом не просил.

— А-а-а, — протянул Петька и, резко замолчав, сам же закрыл рот ладонью. Тот звук, который ему удалось вытащить из впалой груди, не имел ничего общего с пением и мелодичностью.

— Так бы и дала тебе сковородой по глупой башке, — со злостью произнесла Евдокия Семеновна, но карие глаза Петьки счастливо засияли. К нему явно потеряли интерес, а что может быть лучше?



## ЮЛИЯ КЛИМОВА

Остановившись напротив бедовой Варвары, Прохор раздраженно махнул рукой, что означало: «А теперь ты, да побыстрее!»

— Сейчас она им выдаст... Непременно оглохнут, — тихо и едко предположил Лешка и добавил: — На рынке Варька иногда так орет, что лошади падают, устоять не могут.

Вздернув конопатый нос, без какого-либо стеснения, она притопнула, развела руками и громко запела, глядя на потолочные балки:

— Я сплету, сплету вено-о-очек из трав, к речке быстрой босая пойду-у-у, ой, пойду! Ты плыви, плыви, вено-о-очек из трав, к милому, к милому моему-у-у...

У Варьки получалось неплохо и даже душевно, но ее голос был слишком громкий и отчаянный, а умирять его она, видимо, не умела. «Надо иначе», — подумала Соня, вспомнив первый и второй куплеты песни. Когда-то давно, в другой жизни, она довольно долго жила с матерью в небольшой деревеньке, вблизи трех озер. И по утрам эти строки напевала хозяйка дома — молодая высокая вдова Катерина. Она неторопливо одевалась, собираясь с утра подоить корову, и пела так, что у Сони наворачивались слезы. Наверное, Катерина очень часто вспоминала покойного мужа, и поэтому каждое слово было наполнено особым чувством.

— Хватит, — резанул Прохор и посмотрел на мать.

Евдокия Семеновна оценивающе оглядела Варьку и спросила:

— А тише можешь, чего орешь-то?

## Дом певчих птиц

— Неа, — ответила та и мотнула головой. — Не могу.

— А ты попробуй.

— Да не умею я.

— Спрашивай только с девчонок, — повернувшись к Прохору, сказала Евдокия Семеновна. — От них хоть какой-то толк есть.

Не дожидаясь, когда сын выберет следующую «певицу», она остановила взгляд на Соне, помедлила, а затем решительно направилась к ней.

— Не вздумай хорошо петь, — прошипел Лешка. — Кто их знает...

Обогнав мать тремя огромными шагами, Прохор положил тяжелую руку на плечо Сони и прищурился. Ей сразу захотелось отступить назад, чтоб вынырнуть из собственного страха и едких запахов, исходящих от этого неприятного человека, но, увы...

— Чего молчишь? Давай!

Наверное, нужно было прислушаться к предупреждению Соловья, но теплое детское воспоминание сжало сердце, и слова почти сразу зазвенели в тишине, разгоняя мрак и тоску чердака.

— Я сплету, сплету веночек из трав, к речке быстрой босая пойду...

Уже через несколько секунд на лице Евдокии Семеновны появилась довольная масляная улыбка. Отодвинув сына в сторону, она заглянула Соне в глаза и, дождавшись начала второго куплета, четко произнесла:

— Хватит.

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Я отдам ее. Подходящая, — торопливо сказал Прохор и облизал губы, будто только что поймал диковинную птицу, и теперь она принадлежала только ему.

— Подожди... Помыть девчонку надо. Сначала я ее в баню отведу, а потом уж к старухе потащишь. — Схватив Соню за руку, Евдокия Семеновна потянула ее к лестнице. — И не вздумай продешевить, где еще она такую сиротину найдет!

В груди задрожал испуг, тело ослабло, промелькнуло хмурое лицо Лешки Соловья, под ногами жалобно заскрипели ступени, точно им хотелось спросить: «Куда ты, Соня, куда?..» Но ответа на вопрос не было.

## Глава 2

Мы покидали квартиру так, точно с минуты на минуту мог вспыхнуть пожар. Маргарита не вышла попрощаться. Отец подхватил чемодан, и уже через мгновение мы оказались на лестничной площадке. Сердце билось неистово, и по пути к лифту я старательно замедляла шаг, боясь споткнуться и упасть. Не знаю, откуда налетело волнение, еще совсем недавно я была сдержанной и рассудительной (если не считать вспышку удивления от новости, что мне придется жить в чужой квартире), но теперь...

— Заедем в магазин и купим необходимое: молоко, хлеб, сыр, колбасу, яйца, какие-нибудь котлеты, масло... Я навещу тебя послезавтра. Телевизор там есть, найдешь чем заняться.

## Дом певчих птиц

Кивнув, я почувствовала, как под ребрами дернулась совесть. Да, я должна была позвонить бабушке и рассказать правду, но к чему бы это привело? К самому обыкновенному скандалу. Папа обязательно бы обиделся на меня, и потом пришлось бы подбирать слова, тяжело вздыхать, демонстрируя сожаление и раскаяние, и долго извиняться. Меня бы упрекнули в незрелости, слабости, глупости, вранье и наверняка в чем-то еще — болезненным и колючем. И бабушка тоже оказалась бы в незавидном положении: сильно поругавшись с моим отцом, она месяца через два начала бы придумывать поводы для телефонного звонка и примирения. И я знаю, что от этого ей было бы противно.

В магазине на папу вновь нахлынула бодрость, он все не ограничился обычными продуктами, и в сетчатую тележку отправились: зефир, газировка, шоколадные конфеты, карамельные хлопья для быстрого завтрака, вареная сгущенка, ананас...

— Хотел бы я так отдохнуть, — широко улыбнулся он около кассы, и я вспомнила еще одну главу из книги про детскую психологию. «Не старайтесь купить лояльность подростка дополнительными сладостями. Во-первых, хитрость будет понятна, перед вами уже не семилетний ребенок. Во-вторых, в этом возрасте организм работает иначе, и, возможно, на данном этапе больший интерес вызывает не сахар, а соль».

Мой организм пока еще положительно относился к ореховым плиткам шоколада, и я солгала бы, если сказала, что маринованный огурец — это лучшее изобретение человечества. Мысли о газировке перечеркнули волнение,

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

я с нетерпением ждала того момента, когда смогу разобрать пакеты. Отвоеванные у судьбы вкусности, без сомнения, помогут устроить пир на весь мир.

Желая скоротать время, в машине я сразу уткнулась в мобильник и принялась читать статьи о канарейках. Кто знает, может, информация мне пригодится. И, наверное, нужно подружиться с птицей, все же целую неделю нам предстоит провести вместе.

*«Домашняя канарейка питается семенами растений... в период гнездования еще и насекомыми... Самые распространенные — желтые канарейки... некоторые экземпляры имеют хохолок и перьевые завитки... Птицу можно научить красивому пению, она способна подражать звукам... Самец выдает очень длинные переменные мелодии... В дореволюционной России канарейки пользовались особым спросом... скупщики приобретали самок от двадцати до сорока копеек за штуку, самцы же, из-за способности к красивому и долгому пению, стоили значительно дороже — от трех до четырех рублей... Молодых самцов отсаживали от самок и обучали пению...»*

— Канарейка какого цвета? — спросила я, отрывая взгляд от телефона.

— Понятия не имею. — Отец пожал плечами, взял правее и свернул во дворы. — Клетку нужно чистить два-три раза в неделю, корм лежит на столе в комнате. Так сказала Лариса Григорьевна. Вот видишь, ничего сложного.

— А как зовут птицу?

— Э-э... Я не спросил. Если для тебя это действительно важно, то позже позвоню и узнаю. Посмотри, вот продуктовый магазин, завтра или послезавтра ты сможешь

## Дом певчих птиц

здесь купить свежий хлеб и... — Папа замолчал, видимо, раздумывая над тем, что еще может понадобиться. В багажнике лежали два пухлых пакета с продуктами, и еды было навалом. — Я оставлю тебе тысячу, сама решишь, на что потратить. Кстати, я буду звонить каждый день, и мы обязательно ходим в кино... Да, в кино. — В голосе отца прозвучало сомнение, точно он прикидывал, а найдет ли он время для обещанного. — У тебя же есть книги? Очень хорошо. Отдыхай и читай — в твоём возрасте это главное.

— А как зовут сына Ларисы Григорьевны?

— Матвей. Но я уже говорил, тебе не придется с ним общаться, он уехал.

— Помню. Просто... м-м... я подумала, странно не знать имя человека, в квартире которого собираешься жить. А он не будет против?

— Лариса Григорьевна, конечно же, спросила разрешения у сына. Не беспокойся, ему все равно, он не так уж и часто бывает дома. Молодежь... молодежь... — Папа осуждающе вздохнул и остановил машину около подъезда. Видимо, профессию археолога он не одобрял, и я отчего-то сразу подумала: а не стать ли мне точно такой же искательницей сокровищ? — Вот и приехали, выходи.

Мы поднялись на десятый этаж и подошли к темно-зеленой двери с номером квартиры — сорок два. Папа открыл оба замка и пропустил меня вперед. Коридор оказался узкий и длинный, и это сразу понравилось: именно такую планировку я встречала на фотографиях отелей. Воображение уже несло вперед со скоростью света, и я с трудом поспевала за ним. Не хотелось думать, что это чья-то квартира, лучше

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

же представлять, будто я в другом городе и остановилась на пару дней в отличном номере.

— Пакеты ты вполне можешь разобрать без меня, раз уж теперь ты такая самостоятельная, — улынулся папа, оставляя их возле шкафа. — Не сори, посуду мой сразу, вещи не разбрасывай. — Вынув из кармана пиджака портмоне, он достал тысячу рублей и положил ее на узкую высокую тумбу, заставленную маленькими деревянными фигурками. — Устраивайся, а мне уже нужно возвращаться, Маргарита просила купить витамины. Умственная работа требует не меньше сил, чем физическая. Впрочем, ты это поймешь, когда поступишь в хороший институт или университет.

Папа не осмотрел комнаты, не выпил чая с печеньем, не показал, на каком диване или кровати можно устроиться. Быстро поцеловав меня в висок, похлопав по плечу, он коротко сказал: «Скоро увидимся» и ушел, прикрыв за собой дверь. Около минуты я стояла неподвижно, представляя его серьезное лицо с высоким лбом, тяжелыми бровями, крупным носом... Но потом послышалось отдаленное пение птицы, и я тряхнула головой, торопливо прогоняя тягостные мысли. Каникулы слишком короткие, их категорически нельзя тратить на уныние.

Первым делом я зашла в комнату, из которой доносились неугасаемые мелодичные переливы. Включила свет, сделала несколько шагов к старомодному круглому столу, занимающему приличное место около окна, и замерла, сфокусировав взгляд на клетке.

— Оранжевый, хохлатый... — тихо произнесла я, чувствуя себя профессором-орнитологом. — И, конечно,

## Дом певчих птиц

кенар. Девочки, если верить Интернету, так петь не могут. Эй, тебя как зовут?

Птица замолчала, легко перепрыгнула на соседнюю ветку и посмотрела на меня так, точно мы были знакомы как минимум сто лет.

\* \* \*

### *Петербург. Далекое прошлое...*

Соня и не предполагала, что за последние месяцы к ней прилипло столько грязи. После бани, внимательно посмотрев на свои руки, она обнаружила ручейки бледно-голубых вен под светлой кожей и коротко вздохнула. Были времена, когда она жила гораздо лучше: ела сытнее и чаще, носила не лохмотья, а добротную одежду (пусть и ношенную кем-то ранее, купленную на одной из ярмарок). Но это было давно, лет пять назад, тогда ее мать не пила и даже подумывала осесть в одной из деревень. Хотя, наверное, воображение сейчас искажает картины прошлого, растягивает дни, добавляет тепла и света. Не особо длинными были те периоды жизни (месяц, два?), и трудно вспомнить подробности, их раздавили последующие лишения и лед одиночества.

Под ногтями тоже виднелась синева, и это очень не понравилось Евдокии Семеновне.

— Тощая... Ох, тощая... И бледная, как вчерашняя покойница... Дня три бы тебя на мясе подержать, уж поди зарумянилась бы тогда. А ну потри щеки. Да не жалей, три и щипай их сильнее!



## ЮЛИЯ КЛИМОВА

Соня принялась щипать щеки, но пальцы не слишком-то слушались. Из-за нервной дрожи, бегущей по телу, трудно было стоять ровно, а уж что говорить об остальном. Жизнь вновь менялась, и стоило ли надеяться, что в лучшую сторону? «Зачем же я пела, зачем! Какая я глупая...»

Проход ждал около небольшого магазинчика. Нетерпеливо расхаживая вдоль стены, украшенной трещинами и шелухой облупившейся краски, он нервно приглаживал длинные волосы и поглядывал то на небо, то на полки с посудой в витринном окне, то на проезжую часть.

— Наконец-то, — недовольно выдохнул он и сразу схватил Соню за руку. — Чистая... Да, так она выглядит гораздо лучше.

— Не продешеви. И помни: половина моя! Я твоих побирušек кормлю и терплю целыми днями, должок пора бы и отдать.

— Не волнуйся, получишь половину, я свое слово всегда держу.

— Не смей!

— Сказал — отдам, значит, отдам! — Проход начал раздражаться, пигментные пятна на длинном носу запрыгали, губы скривились. Он не любил выслушивать затяжные нравоучения, и было видно, как ему хочется поскорее уйти. — Нам пора, как бы дело не сорвалось... — Не попрощавшись с матерью, Проход резко развернулся и дернул за собой Соню. С каждой секундой его шаг ускорялся, на лице появилась ледяная победная улыбка. — Скорее, скорее, — произнес он тихо, точно поторапливал себя и время.

## Дом певчих птиц

— И немедленно возвращайся! Слышишь?! — донесся требовательный голос Евдокии Семеновны.

Но Прохор не ответил, мысленно он явно был уже далеко.

Соня мало понимала происходящее, но с каждым шагом в голове все ярче и ярче вспыхивала догадка: «Меня продают?» А уж потом, ближе к рынку, начали кружить другие вопросы, более бледные, но настойчиво дребезжащие и тоже пугающие: «А кому?», «Интересно, сколько я стою?», «Неужели я больше никогда не увижу Петьку и Соловья?..», «Останусь ли я жива?!»

Около первых рыночных лотков в глазах от страха потемнело, но Прохор не собирался останавливаться, он уверенно шел дальше, то хмури брови, то улыбаясь. Полы его длинного поношенного пальто развевались и хлопали, точно крылья черного ворона.

— Где один, там и второй... Что ж я раньше не додумался... Ничего, налажу торговлю, и пойдет как по маслу... Это ж какие деньжища можно иметь... Сообразить бы, куда еще кого пристроить... Отребья на улицах полно, найти не проблема... — отрывисто бормотал он, глядя под ноги.

Действительно, «отребья» на улицах было полно, и именно поэтому Соню удивляло: а кому, собственно, она могла понадобиться? Иногда, конечно, детей забирали в семьи, но за сиротами обычно отправлялись в приют... Лешка Соловей говорил, что усыновления и удочерения частенько заканчиваются трагически: приемные родители в его рассказах оказывались или голодными людоедами, или древними вампирами. Верить

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

историям Соловья не хотелось, но на обмане его никто никогда не ловил.

Широкая улица сменилась переулком, затем вновь появились высокие дома и проезжая часть. Разноцветной змейкой потянулись небольшие лавки-магазинчики и мастерские, сначала запахло карамелью и корицей, а потом в нос влетел едкий запах краски. Казалось, путь бесконечен, но на втором перекрестке Прохор остановился, да так резко, что Соня ойкнула и прикусила язык. Дверь скрипнула, звякнул колокольчик, в глазах на мгновение потемнело от очередного приступа страха, но затем густой желтый свет разогнал темноту, и удивление заставило сделать маленький шаг.

Соня оказалась в небольшой простой и чистой комнате, которую буквально разрезал на две части темно-коричневый прилавок. Взгляд выхватил серые полосы стен, белые кружевные салфетки, глиняные горшки, разросшуюся около окна герань, наполненную до краев конфетами бледно-голубую вазочку... Но эти островки обычной жизни вспыхивали и мгновенно гасли, потому что в магазинчике было то, что окружало и волновало, что заставляло сердце биться чаще и лишало остатка сил.

На полках, устроенных везде, где только можно, на высоких круглых столиках и на том самом прилавке стояли совершенно разные клетки (большие, маленькие, круглые, квадратные, золоченые, серебряные), и в них беспечно сидели яркие птицы: желтые, оранжевые, пестрые. У Сони закружилась голова от щебета и торопливого движения вокруг, ей захотелось закрыть глаза и зажать уши, а еще бы

## Дом певчих птиц

лучше — выбежать на улицу и броситься обратно к Петьке, Лешке Соловью, бедовой Варьке, Кольке, Наташке и к другим маленьким побирушкам. Слишком много на нее навалилось в один день, слишком много...

Но она сделала глубокий вдох, выдох и устояла на месте. Картинка успокаивалась, птицы уже не мелькали перед глазами, и их щебет постепенно выстраивался в пусть и запутанную, но все же мелодию.

— Мы пришли! — гаркнул Прохор, и Соня автоматически подняла голову, чтобы понять выражение его лица. Уверенность, самодовольство, жадность, нетерпение и абсолютное равнодушие к ней. Ничего нового. — Эй! Я привел девчонку, пора бы обсудить наши дела!

Дверь справа от прилавка медленно отворилась, и в тесной комнатке магазина появилась маленькая сгорбленная старушка лет семидесяти. Впрочем, Соня лишь весьма приблизительно могла определить возраст — сетчатые, точно паутина, морщины берегли тайну своей хозяйки. Как вуаль, они умело скрывали прошлое и настоящее.

«Я останусь здесь...» — угадала Соня и сделала попытку прочувствовать: добрая перед ней женщина или злая. Но во внешности старушки было слишком много противоречий, мешающих узнать правду. Простая опрятная светлая одежда, чепец в мелких цветочках рисунка... Но крючковатый нос, почти спрятанные под нависшими веками бегающие глазки, дрожащий подбородок... Кажется, гневно дрожащий. И абсолютное спокойствие в движениях. А еще туфли... Загадочные и уж точно дорогие. Из зеленого бархата, с блестящими пряжками, усыпанными разноцветными

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

камушками, и широкими атласными лентами, завязанными на тонких щиколотках крест-накрест. Длина юбки позволяла увидеть туфли, будто пожилая владелица магазина хотела показать их всему миру.

— Вечер добрый, — тихо и немного скрипуче произнесла старушка, не глядя на Прохора. Ее внимание было приковано к Соне. — Больно худая и синяя... Нездорова, что ли? — уточнила она резко.

— Здорова! По городу бегает с утра до ночи! Пусть споет, ты же певунью просила.

— А ну спой, деточка. — Старушка подошла к Соне совсем близко и прищурилась, отчего глаза превратились в две тонкие щелочки. — Выбери песню протяжную и медовую, тогда я смогу лучше оценить твой талант, — добавила она с усмешкой, продемонстрировав при этом отсутствие верхнего зуба. Остальные же зубы, как ни странно, были ровные и крепкие.

— Пой, — требовательно произнес Прохор и слегка толкнул Сонию в спину.

Это был еще один шанс воспользоваться советом Лешки и спастись, но старушка смотрела так пристально, что заняла спина, и против воли слова вырвались из души и полетели вдоль полка к окну. Туда, где виднелась улица, где жила свобода.

— Я сплету, сплету веночек из трав, к речке быстрой босая пойду... — пела Соня, еле сдерживая слезы. Лоб вспотел, пальцы сжались в кулаки, в глазах потемнело, и срочно потребовалось хоть что-то, способное отвлечь от мучительных переживаний и спасти. Стараясь убежать

## Дом певчих птиц

от взгляда старушки, Соня чуть повернула голову влево и увидела невысокую клетку с закругленными углами, в которой сидела оранжевая птичка со странным хохолком на голове. — Ты плыви, плыви, веночек из трав, к милому, к милому моему... — Птичка ловко прыгнула на соседнюю ветку, замерла, вытянула голову и вдруг подхватила пение Сони, да так умело, переливисто и звонко, что дух захватило.

— Я беру ее, — раздался тихий, но уверенный голос старушки. — Деньги отдам сразу, и не вздумай возвращаться за девчонкой. Она теперь моя.

## Глава 3

Трудно чувствовать себя комфортно на чужой территории, и я дала себе час на привыкание. Сначала небольшая экскурсия по комнатам, затем чай с ванильным зефиром и шоколадкой, а уж потом можно развалиться с книгой на каком-нибудь диване и торжественно объявить начало каникул.

Я бодрилась, стараясь не признаваться в том, что мне уже мерещатся странные скрипы, и вроде где-то капает вода... Или тоже кажется?

— Пожалуйста, спой еще, — попросила я оранжевого кенара, но он в ответ промолчал. Маленькие глазки-бусинки смотрели внимательно, и я постаралась не делать резких движений, чтобы не напугать птицу. — Ладно, я не настаиваю, думаю, мы подружились бы гораздо быстрее,

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

если бы я знала твое имя, но увы. Так... проверим... корм у тебя есть... Кстати, мне еще надо отыскать цветы, я обещала их поливать. Знаешь, если бы я была археологом, то, пожалуй, никого бы не заводила. Это все же ответственность. Наверное, я кажусь тебе занудой, но... Честно говоря, мне совсем не хочется быть похожей на отца, Впрочем, ты не поймешь, о чем я. Или поймешь, потому что тебя тоже часто бросают. — Я огляделась, но ни на подоконнике, ни на комодке, ни на шкафу цветов не обнаружила, скорее всего, они находились в другой комнате. — Что ж, начнем обход моих новых владений...

Захватив в коридоре пакеты с продуктами, я устремилась в кухню. Кухня — это то сказочное место, где всегда тепло и уютно, где часто пахнет пирогами (если, конечно, у вас есть замечательная бабушка, которая их мастерски печет). На мгновение мне нестерпимо захотелось оказаться дома, и, наверное, я погрузилась бы в печаль минут на двадцать, если бы не увидела на подоконнике в самом обыкновенном коричневом горшке... кактус. Высокий, тощий, напоминающий обглоданную собакой палку.

— А вот и цветок, — выдохнула я, опуская пакеты на пол. — Нда... Без меня он бы точно загнулся. Всем же известно, что кактусы — растения весьма прихотливые.

Разобрав сумки, я нажала кнопку чайника, села на стул и вытянула ноги. Чувства менялись, по душе разливалось тепло, и очень хотелось задержать его, чтобы минусы моего положения окончательно и бесповоротно стерлись. Я свободна. От всех и от всего. Где-то там, за окном, несутся автобусы и машины, мелькает мир взрослых, а здесь...

## Дом певчих птиц

Бледно-голубые стены, серые шкафчики с серебристыми матовыми ручками, люстра, похожая на половину большого футбольного мяча, ножи в подставке, темно-синяя сковородка на плите, серое клетчатое полотенце на крючке, банка кофе...

«Очень тебя люблю. У меня все отлично», — быстро написала я бабушке и положила мобильник на край стола. Дождаться чайника я не стала, острое желание обследовать все подтолкнуло меня к решительным действиям.

Открыв дверь второй комнаты, я включила свет и огляделась. Конечно, отправляясь в командировку, Матвей не думал о том, что в его квартире вскоре окажется незнакомая четырнадцатилетняя особа, которой ни с того ни с сего захочется сунуть нос в чужую жизнь. Быть может, он бы застелил кровать, убрал с письменного стола горку фантиков, поднял бы с пола носки. Я бы не сказала, что здесь царил беспорядок, вовсе нет, но создавалось впечатление, будто хозяин квартиры не уехал в дальние дали, а вышел минут на пятнадцать в соседний магазин за хлебом. И я почувствовала сразу — именно эта комната является особым личным пространством Матвея, где его устраивает абсолютно все: и мягкий ворсистый ковер цвета слоновой кости, и широкое кожаное кресло, и плотные фиолетово-черные шторы, и старомодный светильник на прикроватной тумбочке, и огромный тончайший телевизор на стене.

Медленно двинувшись по периметру комнаты, я коснулась зеркальной дверцы шкафа, корешка одной из книг на полке, круглого будильника, остановившего свой ход



## ЮЛИЯ КЛИМОВА

(а может, остановившего время, почему бы и нет?), и замерла около стула. На его спинке небрежно висела белая рубашка. Если бы меня спросили, какие цвета ассоциируются с археологией, я бы выбрала черный, коричневый, темно-серый, болотный... Но только не белый! Профессия же оставляет отпечаток на характере и привычках человека. Искатели древностей слишком много дней проводят на раскопках, они должны отдавать предпочтение темной немаркой одежде.

Я уже хотела отправиться дальше, но почему-то притормозила, взяла рубашку и поднесла ее ближе к лицу. Настойчивый аромат мужского парфюма влетел в нос, и я быстро опустила руки, чувствуя непонятное волнение в груди. Ощущение, будто за мной кто-то наблюдает, обожгло спину, я резко обернулась, вздохнула и усмехнулась. Какая глупость... Я одна в квартире, если не считать оранжевого кенара и тощий кактус.

Стол был почти пуст. Черная настольная лампа, черная подставка с одним карандашом и двумя ручками, ноутбук, какие-то бумажки... В углу стеклом вниз небрежно лежала фоторамка, и мой взгляд сразу прилип к ней, что было вполне объяснимо. Стол чистый, а вокруг фоторамки и на ней самой — обыкновенная пыль, будто эта часть столешницы застряла в прошлом.

«Матвей положил ее так или даже швырнул и теперь не хочет прикасаться... Да. Возможно».

Медленно протянув руку, даже не борясь с любопытством, я сделала одну попытку угадать, что увижу, но мысли смешались, не предложив ничего интересного.

## Дом певчих птиц

Гладкая глянцевая фоторамка блеснула, точно хотела спросить: «Ты уверена?», и сначала по пальцам, а затем и по руке вверх побежал холодный ручеек беспокойства.

— Ну, — приободрила я себя.

С фотографии на меня смотрели двое — он и она.

Оба веселые и счастливые. За спинами — голубая полоса моря и почти белое, засвеченное солнцем, безоблачное небо.

Он обнимает ее, а она, подняв руки вверх, чуть щурится и улыбается широко, демонстрируя идеальные зубы. Длинные светлые волосы лежат на плечах и касаются ярко-красного купальника, украшенного на тонких завязках большими белыми бусинами. Девушка с обложки глянцевого журнала — роскошная и независимая. А он...

— Это точно Матвей, — прошептала я, интуитивно угадывая хозяина квартиры.

Не знаю, на чем основывалась моя уверенность, археологов я представляла несколько иначе (старше, мрачнее и отчего-то гораздо ниже ростом), но я бы поспорила с кем угодно, что на фотографии — Матвей. Высокий, стройный, мужественный, красивый, похожий на путешественника. Пожалуй, на мореплавателя, привыкшего держать сильными руками штурвал и бороться со стихией. Быть может, длинные волосы, зачесанные назад, и коротко стриженная борода натолкнули меня на такое сравнение.

Аккуратно вернув фоторамку на прежнее место, положив ее так же стеклом вниз, я отошла от стола и попыталась прогнать образ Матвея, но не получилось. Если раньше сын Ларисы Григорьевны казался несуществующим, поч-

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

ти мифическим персонажем, то теперь, наоборот, обрел слишком четкие черты. Мне нестерпимо захотелось узнать о нем больше.

«Эй, тебе не стыдно?! — попробовала я образумить себя. — Проникла на чужую территорию и суешь нос куда не следует. Ты же не в музей пришла, где положено рассматривать экспонаты, думать, анализировать и запоминать...»

Да, самое лучшее, что я могла сделать — это быстро покинуть комнату, но ноги понесли к шкафу, и через секунду я остановилась напротив зеркальной дверцы.

— И что ты собираешься делать? — спросила я отражение.

«Загляну разок, и все».

— Зачем?

«Просто интересно, какую одежду он предпочитает».

Поддавив острое желание вернуться к столу и вновь рассмотреть фотографию, я открыла дверцу и сразу увидела ряд вешалок, на которых висели выглаженные светлые рубашки и пуловеры. Не знаю, отчего я улыбнулась, быть может, от того, что сын Ларисы Григорьевны оказался не таким, как я представляла. И еще интуитивно я почувствовала, что в квартире полно тайн, нужно их только найти...

«Хватит уже, иди пей чай!»

Я засмеялась и уже хотела закрыть шкаф, но взгляд скользнул вниз, под вешалки, и остановился на большом прозрачном пластиковом ящике, плотно закрытым крышкой. Конечно, для продолжения небольшой экскурсии я бы предпочла встречу со старинным сундуком или хотя бы с пыльным мешком, но увы.

## Дом певчих птиц

«Интересно, что там?..»

Оглянувшись, точно меня могли поймать за недостойным занятием, я медленно опустила на корточки и попыталась разглядеть упакованные вещи.

Какая-то куча-мала...

Ничего не понятно...

Барахло всякое...

Но неожиданно сердце забилося сильнее, а мышцы, наоборот, ослабли, будто неведомая гипнотическая сила потянула меня в сон. Да, странная сила потянула, но организм ответил отказом и начал настойчивое сопротивление.

«Открой крышку», — раздался в голове незнакомый скрипучий голос, и я вздрогнула, ловя быструю волну колючих мурашек. Волна пронеслась вниз по спине, раздвоилась и скользнула по ногам, оставляя после себя неприятные ощущения. Наверное, это взбунтовалась совесть, нельзя же так настойчиво и бессовестно лезть в чужую жизнь.

— Нет. — Резко поднявшись, уловив короткое головокружение, я убрала руки за спину.

«Открой крышку».

Я всегда доверяла интуиции, много раз она помогала мне в трудных ситуациях, спасая от мелких и крупных неприятностей. Однако сейчас в душе боролись одинаковые по значимости желания. По какой-то причине (и дело было вовсе не в любопытстве) я должна была заглянуть в ящик и... И не должна.

— Просто большая пластиковая коробка, ничего особенного, — прокомментировала я и вновь опустила на корточки. Казалось, крышка тяжелая и наверняка держится

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

на каких-нибудь зажимах, но стоило подковырнуть край большим пальцем, и она легко подпрыгнула, издав короткое: «пум!».

Я знала, как пахнут старые вещи, но это был совсем другой запах: еле слышный, сухой, бархатистый, древесный, глинистый и зыбучий. Он тянул к себе и не отпускал, обещая радости и горести одновременно. В моем воображении так могли пахнуть лишь древние тайны, разгадать которые уже никто никогда не сможет.

Сдвинув крышку, я сначала коснулась облупившегося края расписной тарелки, потом внимание привлекла корявая глиняная фигурка человека с черными черточками на животе, а затем взгляд остановился на темно-зеленом горлышке бутылки, торчащей из кучи всякой всячины. Горлышко было запечатано потрескавшимся темным сургучом или чем-то похожим на сургуч. И вот мысль: «А что внутри?» — мгновенно просверлила мозг и заняла в затылке.

Осторожно потянув за горлышко, я вытащила пузатую бутылку, издала взволнованное: «Уф...», медленно поднялась, давая ногам отдых, подошла к столу и включила настольную лампу. Часть света прошла сквозь стекло, и я уже приготовилась узнать первую тайну, но...

На дне ничего не было.

Бутылка оказалась пуста.

«М-м... Зачем тогда ее запечатали?..»

— Странно как-то.

Разочарование коснулось души, я быстро вернулась к шкафу, сунула бутылку обратно в ящик, прикрыла ар-

## Дом певчих птиц

тефакты Матвея крышкой и закрыла шкаф. Я уже хотела уйти, но неожиданно обожгло щеки. Они вспыхнули, будто резко повысилась температура тела, и в отражении я увидела, насколько они красные. Бабушка всегда верила в приметы, и в таких случаях говорила, что обо мне кто-то вспоминает, и нужно провести по щеке золотым кольцом. Если останется светлая полоса, значит, думают хорошо, если темная, то плохо. Кольца у меня не было, и, пожав плечами, улыбнувшись, я покинула комнату.

Чай я пила с большим удовольствием, все же сладкое положительно влияет на растущий организм. Размышляя над тем, чем бы заняться в ближайшее время, мысленно я все возвращалась и возвращалась к ящику, набитому со-кровищами. Но вот странно, память размывала предметы, окутывала их полупрозрачным туманом, яркой была лишь пузатая зеленая бутылка.

\* \* \*

Я и не сомневалась, что ночью страхи вырвутся на свободу. Тени и звуки соседних улиц непременно сползутся ко мне, чтобы пугать и мешать спать. И останется только решить: накрыться одеялом с головой, пытаться спрятаться, или лежать и смотреть в потолок, демонстрируя отчаянную храбрость.

Я тянула время и нарочно долго размышляла над тем, застилать диван или нет. Кенар следил за моими метаниями с любопытством и иногда даже отвечал, когда очередная фраза: «Быть или не быть?» взвивалась в воздух.

## ЮЛИЯ КЛИМОВА

Как Матвей отнесется к тому, что я возьму постельное белье? Наверняка оно хранится на одной из полок углового шкафа.

Если он разрешил мне здесь пожить, значит, предполагал... Хотя, скорее всего, Матвей и не задумывался о простынке, наволочке и пододеяльнике для незнакомой гостии. Делать ему, что ли, нечего?

А между прочим, подросток должен спать максимально комфортно, об этом можно прочитать в любой психологической книге, посвященной переходному возрасту. Потому что растущий организм и чуткая нервная система требуют покоя и удобства.

— Раз я ухаживаю за тобой и кактусом, — повернувшись к кенару, начала я оправдательную речь, — то имею право на достойное проживание. Так?

В ответ я получила переливистую трель, безусловно, означающую дружеское согласие. Но я еще долго слонялась по квартире, прогоняя тревогу, а когда наконец застелила диван, выключила свет и легла, то время уже перевалило за полночь. Сунув мобильник под подушку, повернувшись на бок, я запретила себе бояться и героически прошептала:

— Спокойной ночи.

Где-то вдалеке раздалось шуршание, и вроде даже завyla собака, почудились старческие шаркающие шаги, в батареях булькнуло, луна подчеркнула рисунок на стене, и это оказались темные крылья огромной птицы...

«Глупо верить в привидения».

А я и не верила, просто воображение совершенно самостоятельно рисовало картины, и не так-то просто было от

## Дом певчих птиц

них отмахнуться. Утешало только то, что кенар сидел тихо, а значит, опасности не существовало.

«Или его парализовал страх?»

Усмехнувшись собственной иронии, почувствовав некоторое облегчение, я закрыла глаза, но... Сразу же их открыла. Из коридора неслось четкое и вовсе не придуманное лязганье, а точнее, кто-то неведомый пытался открыть входную дверь... Отчаянно надеясь на ошибку, я подтянула коленки к животу, замерла и прислушалась. Дверь захлопнулась, еще один поворот в замке, на пол упало что-то весомое, но мягкое, и я уловила то, что просто не могла поймать и угадать — мужское дыхание. Оно прилетело ко мне не явно, а смешавшись с микрочастицами воздуха, бесконечными секундами ожидания, лунным светом, и, будто легкий ветер, коснулось лица...

Вывод напрашивался только один: теперь в квартире я не одна.

В коридоре включился свет, в дверном проеме почти бесшумно появилась высокая фигура, и я на всякий случай простилась с жизнью, потому что сердце уже почти остановилось. Некоторое время мужчина стоял молча, вглядываясь в полутьму, а затем прислонился плечом к дверному косяку и тихо спросил:

— Спишь?

Находясь в состоянии аффекта, я могла ожидать от себя чего угодно: и продолжительного оглушающего крика, и стремительного побега в пижаме к бабушке, и даже прыжка с десятого этажа. Но вместо этого я облизала



## ЮЛИЯ КЛИМОВА

пересохшие губы, крепче вцепилась в одеяло и тоже тихо ответила:

— Нет.

\* \* \*

*Петербург. Далекое прошлое...*

Деньги Прохор убирал торопливо и нервно, будто не мог поверить, что дельце удалось провернуть без проблем. В его глазах плясал болезненный огонь алчности, правая щека дергалась, а на губах играла скользкая улыбка. Соня не сомневалась — уже сегодня ее бывший хозяин промотает часть полученного богатства и сделает это громко и с удовольствием. Разгоряченный дешевой выпивкой, сытый Прохор будет хохотать и потирать руки, надеясь на скорую повторную удачу. «Где один, там и второй... Что ж я раньше не додумался... Ничего, налажу торговлю, и пойдет как по маслу...» — так он ей говорил.

Чувствуя собственную ничтожность, Соня коротко вздохнула. Ее жизнь ничего не стоит — пылинка на ветру. Если повернуть время вспять и вновь оказаться на чердаке, стала бы она хорошо петь? Ответа не было, душа сжалась, даря спасительное равнодушие ко всему вокруг. Клетки, птицы, старушка в дорогих туфлях... А может, это странный сон, не более?

Прохор хмыкнул, прищурился, сделал несколько шагов к Соне и сильно тряхнул ее за плечи.